

ЗАБЛУЖДЕНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИИ

Выступления участников данной российско-германской конференции постоянно заставляли меня вспоминать о дискуссиях, возникающих на учебных семинарах со студентами в университете. Оказывается, что за последние 10 лет в ряде московских школ отказались от преподавания истории XX века. Поэтому меня заинтересовал вопрос об источниках формирования исторического сознания современных студентов университета. По моим мягким рейтинговым подсчётам на первое место в формировании исторической памяти сегодняшних студентов выходят семья, друзья, близкие, знакомые, родители и особенно дедушки и бабушки. Так, обычными заявлениями были: *«Вы вот говорите, а мой дедушка мне рассказывал...»*, *«Вы пытаетесь говорить о потере нравственных идеалов в стране, но они есть, например, моя бабушка»*. На втором месте в формировании исторической памяти идут средства массовой информации, хотя многие студенты прямо ставят под сомнение достоверность полученной информации, ибо *«по телевидению, радио и в печати всегда обо всём врут»*. И лишь на третьем месте в списке тех, кто влияет на оформление исторической памяти студенческой молодёжи, оказывается школа.

При этом необходимо учитывать то, что отказ от преподавания истории XX века в ряде школ во многом связан с дезориентацией учителей. Неоднократно со стороны школьных преподавателей истории ко мне был обращён вопрос: *«Скажите, как теперь принято истолковывать тот или иной вопрос?»*. Отказ от единой программы, единого курса, одного учебника не привели к плюрализму мнений и толерантности, как планировали концептуологи реформы из Министерства просвещения в 1990-е годы. Место *«единственно правильных знаний»* по истории XX века заняли доморощенные мифы и исторические байки. Запланированный диалог научных школ и исторических концепций не состоялся, а его место заняла мешанина небылиц и злонамеренных фальсификаций.

И здесь особую опасность, на мой взгляд, представляют заблуждения массового сознания по поводу роли государства в истории. Так, из сообщений СМИ студенты узнали о том, что Ленина и большевиков германская разведка привезла в Россию в *«запломбированном вагоне»*, а те совершили революцию, погубившую Российскую империю. При таком отношении к истории не остаётся места ни *«большевизации Советов»*, ни *«триумфальному шествию Советской власти»*, даже элементарному объяснению того, почему многомиллионная страна отвергла парламентский либерализм Временного правительства и восприняла большевистский вариант *«земного рая»*. Или другой часто встречающийся образчик массового исторического сознания: *«Сталин погубил десятки миллионов наших граждан, но только благодаря нему страна победила в войне»*.

Получается, что массы уподобляются отаре овец, которых «надо резать или стричь», ибо руководитель страны всегда знает необходимый процент выбраковки, как и тайные тропы, ведущие к альпийским лугам с сочными живительными травами. Это снимает ответственность за принятие любого решения с каждого конкретного человека.

Неслучайно в последнее десятилетие в отечественном обществоведческом лексиконе появился термин «манкуртизация», заимствованный из романа Чингиза Айтматова. Данный термин употребляется при освещении определяющей роли Коммунистической партии в формировании мировоззрения интеллигенции. Сама постановка вопроса о «манкуртизации» подразумевает пассивную роль интеллигенции, которая безропотно была готова подчиниться любому решению. Наверное, для многих обществоведов, в том числе и тех, кто относит себя к числу «истинной интеллигенции», подобная интерпретация исторических событий кажется единственно верной. В данной схеме важна не только негативная роль враждебной интеллигенции коммунистической власти, но и навязанная интеллигенции безвыходная позиция. В такой трактовке у интеллигенции не было выбора, чем и воспользовались «узурпаторы-большевики» [См.: Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. С. 321].

Из исторических трудов и художественных произведений мы знаем, что после 1917 года в жизни многих представителей интеллигенции России произошли многочисленные изломы. Историки и писатели уже неоднократно показывали «хождение по мукам» хорошо известных и мало известных интеллигентов. При этом «характерно, – по словам Ю.М. Лотмана то, – что только обращение к некоторым литературным образцам позволяет нам в ряде случаев расшифровать загадочные, с иной точки зрения, поступки людей той эпохи» [Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994, с. 344 – 345]. Современная стадия изучения истории российской интеллигенции характерна появлением живой истории, подлинно гуманитарной науки, где мыслят и действуют живые люди со своими характерами, потребностями и интересами. И это живое знание по истории интеллигенции России не только обязано разрушить старые догматические схемы борьбы белого и красного партийно-политических лагерей за массы, не только ответить на традиционные вопросы «Что?», «Где?», «Когда?», но и должно позволить представить многочисленные факты и описания, содержащиеся в исторических трудах, в более упорядоченном виде и приблизиться к решению той задачи, которую ставят перед собой современные историки – «постараться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов, позднее запечатлевшихся в их сознании наряду с прочими идеями, чтобы иметь возможность эти факты истолковать» [Февр Л. Бои за историю. М., 1991, с. 19], с тем, чтобы ответить на более важные вопросы «Зачем?» и «Почему?».

За последнее десятилетие произошли существенные изменения в составе комплекса источников по истории интеллигенции путем отбрасывания одних (их условно можно назвать советско-коммунистическими) и введения в исторический оборот других из антисоветского лагеря. В действительности во всех частях общего комплекса документов по истории интеллигенции России содержится важная информация, которую необходимо расшифровать. По мнению М. Блока, «тексты

или археологические находки, внешне даже самые ясные и податливые, говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать... Всякое историческое изыскание с первых же шагов предполагает, что опрос ведется в определенном направлении. Всегда в начале – пытливый дух. Ни в одной науке пассивное наблюдение никогда не было плодотворным. Если допустить, что оно вообще возможно». [Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973, с. 38]. По словам Ю.М. Лотмана: «В истории знать какие-либо факты и понимать их – вещи совершенно разные. События совершаются людьми. А люди действуют по мотивам, побуждениям своей эпохи. Если не знать этих мотивов, то действия людей часто будут казаться необъяснимыми или бессмысленными». [Лотман Ю.М. Указ. соч., с.13.]

Для подтверждения данной мысли и возвращения к обсуждению термина «манкуртизация», на мой взгляд имеет смысл обратиться к одному из документов Архива Музея русской культуры в Сан-Франциско. Этот документ под названием «Россия во время революции» не подписан (авторство выясняется), составлен в 1937 году в Югославии на основе личных воспоминаний. Имеет смысл привести достаточно большую выдержку из данного документа, и только потом дать небольшой комментарий, ибо текст во многом говорит сам за себя. В этой части документа говорится о том, что в период после Гражданской войны [...] «Усилиями профессора Мельникова-Разведенкова был основан в Екатеринодаре медицинский институт. Профессуры было достаточно и между ними были превосходные силы. Большинство из них спасалось от революции на Юге России. Некоторые из них не пожелали уехать за границу, а многих «море дальше не пустило», как это было принято говорить об оставшейся на Юге России интеллигенции. Старая профессура образовала только остов, около которого собирались более пожилые и способные врачи. [...] Преподавательский состав Института был довольно пестрый. Рядом с превосходными силами мы имели на некоторых кафедрах недурных врачей с большим практическим стажем, а также и никчемных выскочек с разными заслугами перед революцией. Ректор – профессор Мельников-Разведенков был человек с чрезвычайно тонкими дипломатическими способностями. Как ученый профессор патологической анатомии он имеет довольно большой вес в ученом мире. Немало у него учеников в России. На нем можно до известной степени изучать жизнь русского ученого, оставшегося у большевиков и считающего своим долгом сохранить преемственность русской научной мысли под большевистской властью. Многие его обвиняли в ишкурничестве, измене и т.п. я знал его довольно близко и отнюдь не могу согласиться с их мнением. Он бы мог, как ученый, профессор, отдавать известную дань новым идеям социалистического понимания и доживал бы свой век, тем более, что патологическая анатомия является довольно отвлеченным полем деятельности, не сталкивающейся так часто с советской действительностью, как другие области науки. Он считал, что русскому народу нужны врачи, и хорошие врачи, и поэтому он, пользуясь своим авторитетом, долго противопоставлял разрушительной работе [коммунистической] ячейки, проводившей по указанию центра, начиная с дальтоплана, целый ряд изменений, все без исключения, понижающие образовательный уровень студента. [...] Его деятельность в качестве ректора шла по тернистому пути непрерывной борьбы

за сохранение института, в постоянных распрях с комсомольцами и коммунистами из ячейки, вроде бывшего мальчика из аптекарского магазина, контролирующей его ректорскую деятельность; в спорах и доказательствах о преимуществе старой системы преподавания; в отстаивании лучших и способнейших студентов отчистки; в улаживании конфликтов со старшими врачами больницы, где происходили занятия со студентами; в атмосфере окружения агентов ГПУ и доносчиков. Помню дискуссию по поводу предполагаемого группового метода занятий без лекций. Коммунист, член студкома, малокультурный, неуспевающий студент лет 24-х развязными, временами дерзкими словами упрекал ректора в консерватизме и дореволюционных взглядах на образовательную систему, в которую советская власть вносит новый пролетарский дух.

Профессор Савченко был человеком совсем другого покроя. Ученый с мировым именем, национально мыслящий русский человек, несокрушимой воли, не поступился до самой смерти своим мировоззрением в угоду большевистского нажима. До конца своей жизни он неустанно работал над новыми открытиями. Многие из его работ остались мало замеченными, и славу их открытия присвоили себе иностранные авторы, как это часто бывает с русскими учеными. «Иван Григорьевич, а Вы знаете, сколько у Вас научных работ?» – «Откуда я могу знать?» Он говорил всегда горячо и отрывисто, немного шепелявя и всегда брызгая слюной. «А Вы были их собрали как-нибудь». — «А где их искать? В шкафах или на столах где-нибудь валяются. Что осталось, конечно...» – «А , может быть, Иван Григорьевич, под шкафами?...» – «Может быть,» – усмехнулся Иван Григорьевич. – «У нас, кажется, завтра какой-то советский праздник». – «Значит буду читать послезавтра». Такими словами он приводил нас в восторг, а коммунистов в отчаяние. Ячейка выходила из себя, бегала в партком, но ничего не помогло. Такие ученые, как он, стояли еще под защитой центра, и самочинные расправы с ними еще не допускались. Замечательное было его чествование в 1932 году, по поводу вручения ему грамоты «Заслуженного деятеля науки». Приехали коммунисты из края, выступал секретарь обкома, и все восхваляли его, как общественного деятеля, прославившего советскую науку. Все ожидали его ответную речь: многие с тревогой, а большинство с затаенной радостью. «Вот тут говорят, что общественный работник. Чепуха, конечно (его любимые слова). Именно потому, что я болтовней не занимался я чего-то достиг. Я работаю и всю жизнь работал». В таком тоне шла вся его речь. При выходе ему предложили отвести его на казенном извозчике. «Не нужно, пешком пройду. Всю жизнь пешком ходил...». Недавно, года два тому назад, он внезапно умер. Утром этого дня он был еще здоров, жизнерадостен, говорил о своих работах. И сразу его не стало.

Часть профессуры, из так называемой красной, т.е. людей, получивших это звание не за научные заслуги, а за доброжелательное отношение к советской власти, выражающееся отчасти подделыванием под вкусы коммунистов, угодничеством, иногда доносами, вела себя отвратительно, «якшалась» и «брталась» с членами студкома, исполбюро и ячейки, зачитывала им зачеты без экзамена или задавала им самые легкие, а зачастую и подсказанные вопросы. Среди

них отличался профессор А., сын почетного харьковского. Я работал в качестве студента-практиканта в его клинике, где мне однажды невольно пришлось слышать его разговор с агентом ГПУ. Самым бесстыдным образом, не хуже чекиста Ш., он доносил на врача, почему-то ему ненавистного: «Контрреволюционер, он когда-то так и так выразился против советской власти, относится недоброжелательно к больным коммунистам, лечит их хуже, и т.д.».

По поводу одного больного из психиатрического отделения была создана по приказанию ГПУ с целью определения его душевного состояния врачебная экспертная комиссия. Короче говоря, психический больной Х оказался бывшим офицером, которого ГПУ должно было расстрелять. Чтобы создать некоторую видимость соблюдения формальности, решили создать комиссию, председателем которой был назначен профессор А, получивший накануне от ГПУ определенные указания. Два члена комиссии, между ними авторитетный лечащий врач, ввиду очевидности глубокого психического расстройства, подали врачебное мнение, идущее в разрез с желанием ГПУ и его ставленника профессора А. Тогда профессор А. пригрозил членам комиссии: «Я вас заставлю подписаться под моим заключением...». Один из членов комиссии, зная, что может следовать за такой угрозой, подписался. Душевно больной человек был выдан ГПУ и расстрелян. Многие, не обладавшие большим именем и не желавшие подвергаться репрессиям, служили и работали тихо и старались сторониться от всяких искушений.

В каком положении находилась научная мысль института? Старая профессура, за исключением одного или двух, продолжала работать и творить, как раньше. Но среди остальных повеял совершенно новый, советский дух. Стало модно «писать работы». «Писать работы» стало нарицательным понятием. На митингах, в постановлениях профсоюзных собраний, всюду кричали о необходимости двигать науку, к такому то числу или по плану, на следующий год, написать столько то работ. Всякий мало-мальски уважающий себя ординатор и ассистент, уже не говоря о профессуре, должен был иметь «работу». К этому психозу присоединилась еще мания печатать работы обязательно в иностранных, главным образом, в немецких журналах. Большинство переводов этих работ за несколько лет прошло через мои руки. Сплошные фальсификаты, переписывание, компиляция... [...]

От описываемых событий нас отделяет почти три четверти века, но исторические аналогии делают данный документ чрезвычайно современным. Можем ли мы в начале XXI века говорить о поголовной «манкуртизации» интеллигенции 1920 – 1930-х годов? Имеем ли мы право объяснить этим термином поведение ректора института, профессора Мельникова-Разведенкова? Скорее всего, в данном случае, речь идет о нравственном выборе: для него даже вынуждено служить у большевиков – это, безусловно, верное служение своей Родине, своему профессиональному долгу. Поведение профессора Савченко выделяется на общем фоне. Ни при каких обстоятельствах он не может пойти на нравственные компромиссы. Поэтому для него «то, что и как надо делать, задается через определение того, что и как делать не надо». [Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. 1989, с. 35]. Поведение его, возможно, даже сопряжено с угрозой жизни, но И.Г. Савченко идет на этот риск, ибо он все проанализировал, как

положено интеллигенту, и решился на этот поступок. Честь и научный долг для него не пустые слова. В силу вышеизложенного можно согласиться с В.П. Зинченко, который считает, что поступок вполне может не достигнуть цели, но при этом может считаться успешным (то есть получить положительную оценку), если он был произведен как очевидная попытка [Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997, с. 185]. Неслучайно поведение профессора Савченко вызывает восторг у студентов. Он не ведет политической агитации, но своим поведением он воспитывает новое поколение интеллигенции на традиционных для интеллигенции нравственных принципах.

Совсем иначе выглядит поведение тех, кто делал, по выражению автора, «работы», а тем более профессора А. Заметим, что все профессора и преподаватели находились в одно и то же время в равных условиях, но сделали разный выбор и вели себя по-разному. Более чем уверен, что, если бы профессора Мельников-Разведенков и Савченко дожили бы до наших дней, то они бы резко протестовали против применения к ним термина «манкуртизация». Данный термин потребовался бы, скорее, профессору А. и тем, кто делал «работы», ибо им нужно было бы оправдывать свое поведение. Мне кажется, что применение термина «манкуртизация» в обществоведческой литературе сегодня во многом служит цели оправдать собственное поведение через историческую аналогию. Данный термин должен снять ответственность с конкретного человека за совершенные поступки и возложить вину на некую чуждую интеллигенции силу – государство. Это особенно важно сегодня в условиях «демократических» изменений в стране, где каждый пятый гражданин был членом КПСС, а каждый десятый сотрудничал с КГБ. Сегодня они смело могут стать воинствующими «демократами» и призывать к физическому истреблению коммунистов, ибо вчера их «манкуртизировали». Так за красивым термином скрывается личный интерес, который надеются внедрить через исторические знания.

Подобная деформация исторической памяти, на мой взгляд, опасна для будущего страны. К сожалению, сегодня средства массовой информации внедряют очень странное представление о нашем недавнем прошлом. Из теле- и радиопередач, из газетных и журнальных статей получается, что в 1960-е – 1980-е годы горстка коммунистов-бюрократов подавляла 250 миллионов советских граждан, которые все поголовно были антисоветчиками и антикоммунистами, либералами и демократами, или, как теперь принято говорить, были «внутренними эмигрантами». Например, бывший председатель республиканского КГБ, боровшийся с «буржуазным национализмом» у себя в республике, позже Первый секретарь ЦК республики, а затем член Политбюро ЦК КПСС Э.А. Шеварнадзе на весь мир заявил, что именно он и другой бывший председатель республиканского КГБ, боровшийся с «буржуазным национализмом» у себя в республике, позже Первый секретарь ЦК республики, а затем член Политбюро ЦК КПСС Г.Г. Алиев развалили коммунизм (наверное, в то время, когда академик А.Д. Сахаров и Нобелевский лауреат А.И. Солженицын отсиживались по каторгам и ссылкам). Самое странное, что подобные исторические байки о нашем недавнем прошлом оказывают воздействие на современников. Так, мои

одноклассники и однокурсники уже говорят, что они все поголовно были антисоветчиками и антикоммунистами. Но я, наверное, в отличие от них, жил в другой стране.

Мне трудно судить о характере исторической памяти немцев. По косвенным данным она подвергнута значительной деформации. В этом плане для меня, как для историка, были интересны наблюдения современного эпатажного писателя Ярослава Могутина. В автобиографическом «Романе с Немцем» он попытался выяснить у своего друга из Германии его представления о нацистской истории. Порой русскому писателю удаётся заметить то, что скрыто от германских исследователей современного менталитета. Вот только две пространные выдержки из данного литературного произведения, на мой взгляд, не требующие каких-либо комментариев: *«"Так как насчёт неонацизма?" – не унимался я. Питер недоволено скривился, демонстрируя, насколько ему неприятно касаться этой больной и "грязной" темы. Бедный мальчик был влюблён во всё американское, любил дебильные голливудские фильмы и был, как у нас говорили раньше, "политически грамотен и идеологически подкован" – то есть, "политически корректен", как говорят здесь сейчас. Его арийство было загнано глубоко в подсознание, и мне хотелось его оттуда как-то достать, выковырять»* [Могутин, Ярослав. Роман с Немцем. Тверь, KOLONNA, 2000. с. 49]. И далее: *«...Питер, с его изуродованными "политической корректностью" и ублюдочным комплексом "неокупной немецкой вины" мозгами, не мог полностью отдаться инстинктам. Он не понимал, о чём я веду речь (или очень умело делал вид, что не понимает). Хотя в его подсознании вспыхивали какие-то тусклые проблески, внушавшие мне надежду»* [Там же. с. 30 – 31]. Конечно, можно сказать, что это необъективный взгляд, но порой художник (даже создающий свои произведения в нетрадиционной форме) способен заметить то, что скрыто от исследователей, производящих «репрезентативные» изыскания. Скорее всего, и здесь мы имеем дело с основным заблуждением массового сознания, когда существует в исторической памяти представление о том, что гитлеровский фашизм навязал германскому народу такую политику, за которую рядовые немцы вынуждены расплачиваться до сих пор.

Сегодня на нашей конференции некоторые известные обществоведы-публицисты говорили о соглашении правящей и духовной элит в конце 1980-х годов, в результате чего распался СССР, и стало возможно «демократическое развитие» нашего государства. Я против подобной трактовки. Ибо опять мы имеем дело с очередным заблуждением массового сознания. Основное заблуждение массового сознания исходит из того, что государство – это всемогущая сила, которая лепит общество в соответствии с прихотями аморальных и алчных правителей. Оно может всё, если, разумеется, захочет, если присущее ему зло не сделает власть бессильной. Этой древней сказке трудно найти подтверждение хотя бы на каком-нибудь ограниченном этапе истории. Лишь по прошествии определённого времени следовала морально-нравственная «подгонка» собственной позиции к тому или

иному этапу истории государства. Достаточно вспомнить то, например, как те представители духовной элиты, который создавали шедевры типа *«Есть два солнца на нашей Земле: одно – на небе, другой – в Кремле»*, после того, как одно из солнц закатилось, написали искренние строки: *«Мы так Вам верили, товарищ Сталин»*, схожие по своей патетической силе с пушкинскими *«Я Вас любил так искренно, так нежно, как дай Вам Бог любимым быть другим»*. И речь идёт не отдалённом прошлом и не об ушедших исторических персонажах (это не было бы так страшно), а меня настораживает наблюдаемый мною (но, наверное, не только мною) заметный дрейф вчерашних адептов демократических и либеральных идей в сторону державности и «укрепления вертикали власти». А тут еще, наверное, случайно, в День независимости России 12 июня сего года отменили показ по телевидению заявленного в программе фильма-притчи *«Убить дракона»*, и телезрители не смогли услышать обращенную к каждому классическую фразу: *«Но почему ты у Дракона был первым учеником?»*.

Сергей Сергеевич Аверинцев рассказал сегодня о том, что его недавно напугала демонстрация юнцов в Вене, шедших с криками *“Ein, zwei, drei – Palestina frei!”*. Не знаю, как там, в благополучной и умиротворённой Вене, но меня больше пугают отечественные «идущие вместе». И дело не в бесплатных раздачах пейджеров и футболок с портретом любимого Президента, а в том, что заблуждение массового сознания по поводу роли государства в истории, поддержанное СМИ, а сегодня на конференции и некоторыми публицистами-обществоведами, не оставляет шанса «убить в себе Дракона».

© Андрей Квакин, 28 июня 2001 г.